

Феликс наблюдал со стен замка. Всю долину внизу заполнял городок гномов, но его глаза были прикованы к огромному центральному строению, в котором, как он теперь знал, находился воздушный корабль. Подле него к зубчатой стене привалился Готрек. Его массивная голова покоилась на руках, которые держались за перила. Топор лежал возле его руки.

Феликс видел, как внизу длинные цепочки гномов собирались в шеренги перед огромными дверьми центрального ангара. Небольшие, но мощные паровые машины двигались по рельсам к входу. Он взял телескоп, который одолжил ему Варек, и поднёс к глазу. Покрутив руками, он сфокусировал картинку. Далеко внизу он различил Снорри, Ольгера и Варека. Они стояли во главе шеренги гномов, словно бойцы по стойке „смирно“.

На опорах громадной башни, возвышающейся над ангаром, развевались флаги. Это была внушительная конструкция, более напоминавшая паутину балок, чем укрепление. На самом верху башни находилось нечто, напоминающее небольшую хижину или наблюдательный пост с небольшой подвесной верандой по всему кругу.

Где-то вдали долгим одиноким воплем прозвучал паровой свисток. Один из инженеров потянул за огромный рычаг на стене ангара. Мощно поднимались и опускались поршни. Поворачивались большие шестерни. Из чудовищных труб, спешно залатанных после вчерашнего боя, просачивался пар. Медленно, но верно открывался верх ангара. Сама крыша разошлась в стороны, сложившись по бокам здания. В итоге на свет показалась громадная конструкция, словно гигантская бабочка, вылезшая из кокона чудовищных размеров.

Феликс сразу понял, что на всю оставшуюся жизнь запомнит тот момент, когда он впервые увидел воздушный корабль. Это был самый впечатляющий объект из когда-либо виденных им. С мучительной медлительностью стравливались здоровенные тросы, и воздушный корабль поднимался, словно громадный воздушный шар. Сперва Феликс видел лишь крошечные колпаки, поднимающиеся над верхней поверхностью транспортного средства и цепочкой уходящие назад, в сторону громадного хвоста, похожего на рыбий. Затем, подобно киту северных морей, выныривающему на поверхность, блестящая громада воздушного корабля всплыла снизу.

Это было всё равно, что наблюдать рождение нового вулканического острова посреди бескрайнего океана. Протяжённый корпус судна был длиной почти с ангар, и плавно закруглялся вниз, подобно берегам острова, сбегающим к морю. Пока огромное судно продолжало подниматься, Феликс увидел, что это сравнение оказалось ошибочным, потому как в самом широком месте корпус стал снова изгибаться, образуя гладко закруглённый цилиндр. На корме судна располагались четыре массивных ребра, подобных перьям на арбалетном болте.

В нижней части корпуса была подвешена маленькая цилиндрическая конструкция из проклёпанного металла. В этой небольшой конструкции были сделаны амбразуры, из которых выглядывали пушки, пропеллеры и прочие механические устройства, о назначении которых Феликс мог лишь догадываться. Он навёл туда фокус телескопа и смог разглядеть, что эта небольшая конструкция напоминает корпус самого судна. Прямо на носу воздушного корабля располагалось огромное стеклянное окно. Сквозь него он мог видеть Малакаю Макайссона, стоящего у средств управления. Рядом с ним находилось множество инженеров.

Медленно Феликса осенила странная мысль. «Возможно ли, — спрашивал он себя, — что настоящим кораблём является маленькое судно, подвешенное под огромной конструкцией, которая является чем-то вроде паруса корабля или наполненной горячим воздухом огромной оболочкой, необходимой для осуществления движения, но не относящейся к жилой и рабочей

области?» Сквозь тень сомнения Феликс уже осознал, что захвачен одновременно восхищающей и отталкивающей идеей — хоть раз в своей жизни взойти на борт этого судна. То была мысль, которая наполнила его страхом и любопытством. Он взглянул на Готрека, который наблюдал за происходящим с таким же восхищённым вниманием.

— Ты серьёзно собираешься отправиться через Пустоши Хаоса на этой штуке? — спросил Феликс.

— Да, человеческий отпрыск.

— И ты ожидаешь, что я отправлюсь с тобой?

— Нет. Это решать тебе самому.

Феликс уставился на гнома. Готрек не упомянул о клятве, которую дал Феликс, то ли потому, что не считал напоминание необходимым, то ли потому, что искренне предлагал Феликсу сделать выбор. Даже проведя долгое время в обществе Готрека, Феликс испытывал сложности в определении его настроения.

— Ранее ты пытался пересечь Пустоши с Бореком и остальными?

— Да.

Феликс забарабанил пальцами по холодному камню крепостной стены. На долгие минуты затянулось молчание, а потом, как раз когда Феликс уже решил, что гном больше ничего не скажет, Готрек заговорил снова.

— Тогда я был моложе и глупее. Там нас было много — самодовольных молодых гномов. Мы слушали рассказы Борека про Караг-Дум и потерянное оружие, и про то, как оно снова сделает наш народ великим, если мы его отыщем. Другие предупреждали нас, что эти поиски — безумие, что ничего хорошего из затеи не выйдет, что это невозможно. Мы не слушали. Мы считали, что знаем лучше них. «Даже если нам суждено пасть, — твердили мы себе, — мы падём с честью, пытаясь восстановить гордость нашего народа. Если мы умрём, то отдадим свои жизни достойному делу, а не будем свидетелями долгих и тягостных лет истощения, что пожирает наше царство и наш род». Как я сказал, мы были глупцами, настолько самоуверенными, насколько способны лишь глупцы. Мы понятия не имели о том, во что позволили себя втянуть. Это была безумная затея, но мы готовы были рискнуть ради той славы, что обещал Борека.

— Молот Судьбы — что это такое?

— Это великий боевой молот, размером с твоё предплечье, но гораздо более тяжёлый. Его навершие сделано из гладкого сверхпрочного камня, с глубоко врезынными рунами, которые...

— Я имел в виду, почему он столь важен для твоего народа?

Не знай Феликс Готрека лучше, он мог бы заподозрить, что Истребитель пытается избежать этой темы.

— Это священный предмет. Боги-Предки начертали на нём главные руны, когда мир был юн. Некоторые думают, что в нём заключена удача нашего народа, что его утрата навлекла на нас проклятие, которое мы можем снять, лишь вернув молот. Несомненно, с тех пор как молот был потерян, дела у нашей расы пошли плохо.

— Ты действительно веришь, что возвращение молота изменит это?

Готрек медленно покачал головой.

— Может — да. А может — нет. Может случиться, что возвращение молота придаст новые силы народу, который потерял столь много за прошедшие столетия. Может случиться, что само оружие снова высвободит свою магию в помощь нам. Или этого не произойдёт. Даже если так, говорят, что Молот Судьбы — потрясающее оружие, способное высвобождать молнии и уничтожать наиболее могущественных противников. Я не знаю, человеческий отпрыск. Я сознаю, что это — выдающееся приключение, а погибнуть в подобном приключении — достойная смерть. Если нам доведётся найти Караг-Дум. Если мы сможем пересечь Пустоши.

— А топор?

— О нём я знаю ещё меньше. Он столь же древний, как молот, и немногие даже видели его. Он всегда хранился в тайном священном месте и извлекался лишь во времена огромной опасности, используемый верховным Мастером рун{17} Караг-Дума. За три тысячелетия он побывал в бою менее дюжины раз. Ходят слухи, что это сам утраченный Топор Гримнира. Лишь верховный Мастер рун Караг-Дума мог знать правду о том, что такое в действительности этот топор, но тот мёртв, сгинул, когда Пустоши поглотили то место.

— Пустоши настолько плохи?

— Гораздо ужаснее, чем ты можешь себе представить. Намного ужаснее. Некоторые утверждают, что они — входная дверь в преисподнюю. Другие заявляют, что они — место соприкосновения нашего мира и ада. Я могу в это поверить. За всю свою жизнь я никогда не видел более омерзительного места.

— И теперь ты собираешься туда возвратиться!

— Разве у меня есть выбор, человеческий отпрыск? Я поклялся искать смерти. Как я могу остаться в стороне, если отправятся старый Борек и Снорри, и даже тот молодой щенок — Варек? Если останусь в стороне, меня запомнят, как „Истребителя, который отказался сопровождать Борека в его поисках“.

Казалось необычно слышать, как Готрек высказывает сомнения, и допускать, что тот собирается сопровождать учёного лишь потому, что другие могут запомнить его ненадлежащим образом. Обычно Истребитель Троллей настолько свиреп и полон уверенности, что большую часть времени Феликс воспринимал его скорее как стихию, чем как живое существо. С другой стороны, Истребитель — гном, и его доброе имя значит для него больше, чем даже для достойнейшего из людей. Этим Старшая Раса казалась глубоко чуждой Феликсу.

— Если мы преуспеем, наши имена будут жить в легендах до тех пор, пока гномы разрабатывают недра гор. Если же мы потерпим неудачу...

— Вы всего лишь умрёте, — иронически произнёс Феликс.

— О нет, человеческий отпрыск. Только не в Пустошах Хаоса. Там тебя действительно может ждать участь куда как более худшая, чем смерть.

После этого Готрек замолчал, и было очевидно, что более говорить он не собирается.

— Пошли, — сказал Феликс. — Если уж мы едем, то лучше спуститься вниз и присоединиться к

остальным.

Теперь воздушный корабль полностью появился из ангара. Словно галеон на якоре, он был пришвартован к верхушке огромной стальной башни. И лишь стоя под ним и глядя вверх на огромную высоту металлической башни, Феликс смог правильно оценить реальные размеры этой штуки. Она казалась столь же большой, как облачная гряда, достаточно крупной, чтобы закрывать солнце. Она была крупнее любого корабля из тех, что когда-либо видел Феликс, а ведь он был из Альтдорфа, где время от времени причаливали океанские суда торговцев, проплывая вверх по Рейку весь путь от Мариенбурга.

Феликс переоделся в чистую одежду. На ветру развевался его красный шерстяной плащ. Его вещмешок висел на плече. Он полагал, что собрался и готов отправляться, но сейчас, впервые оказавшись в тени огромной металлической башни вместе с Готреком и Снорри, Феликс испытывал смутные сомнения по поводу того, что ему действительно следует участвовать.

С высоты спускалась металлическая клеть, удерживаемая большим металлическим тросом, стравливаемым с барабана в основании конструкции. Барабан приводился в движение одним из паровых двигателей. При потребности поднять или опустить клеть, двигатель, вращаясь, сматывал или разматывал трос. Феликсу это показалось механической диковиной, но Готрек не был впечатлён, утверждая, что подобные штуки используются в гномьих шахтах на всём протяжении гор Края Мира.

Клеть остановилась возле них, и один из инженеров отворил закрытую на засов дверь. Он кивнул и жестом пригласил их войти. Феликс ощутил дрожь по телу, прикидывая, достаточно ли крепок трос, чтобы выдержать общий вес клетки и трёх пассажиров; и что может произойти, если он порвётся или что-нибудь плохое случится с механизмом.

— Эге-гей! — загоготал Снорри. — Снорри нравятся клетки. Снорри так и катался бы в этой вверх-вниз целый день. Это лучше, чем кататься на паровой повозке. Поднимаешься гораздо выше!

Словно ребёнок, получивший неожиданное угощение, он запрыгнул внутрь. Не показывая каких-либо эмоций, за ним проследовал Готрек с небрежно закинутым на плечо огромным топором. Феликс неуверенно шагнул внутрь и ощутил, как под его ногой прогнулся металлический пол. Ощущение не было успокаивающим.

Инженер захлопнул дверь клетки, и Феликс внезапно почувствовал себя, словно заключённый в камере. Затем другой инженер потянул рычаг, и поршни двигателя начали ходить вверх-вниз.

Когда клеть начала двигаться и земля осталась под ними, желудок Феликса замутило. Инстинктивно он дотянулся и ухватился за один из прутьев, обретая устойчивость. Нервничая, как случалось прежде, в бою со скавенами, он заглотнул воздух. Он отметил, что может видеть землю под ногами сквозь маленькие дыры в полу.

— Ух, ты! — радостно воскликнул Снорри.

Лица гномов, стоящих на земле под ними, уменьшались. Вскоре машины стали столь же малыми, как детские игрушки, а обширный корпус воздушного корабля над ними выросал всё больше. Взгляд вниз доставил Феликсу весьма тревожное ощущение. И не оттого, что они действительно поднялись гораздо выше самой высокой постройки замка, а по какой-то другой причине.

Возможно, что-то было в самом перемещении, или то был ветер, свистящий сквозь прутья

клетки, но Феликс не на шутку перепугался. Было нечто неестественное в том, чтобы стоять, вцепившись в холодный металл так, что побелели костяшки пальцев и напряглись мышцы, пока мимо скользят балки металлической башни. У него чуть сердце не остановилось, когда клеть замерла, и прекратились все движения, кроме слабого покачивания клетки на тросах.

— Теперь ты можешь отцепиться, человеческий отпрыск, — с сарказмом произнёс Готрек. — Мы достигли верха.

Феликс разжал свой хват, чтобы дать возможность инженеру наверху открыть клетку. Он шагнул через дверь и оказался на балконе. Это была конструкция из металлических балок, что кругом огибала верхушку башни из металла. Холодный ветер развеивал его плащ и заставлял глаза слезиться. Он внезапно застыл от страха, когда увидел, насколько высоко оказался над землёй. Теперь он уже не мог охватить взглядом весь воздушный корабль. Тот был слишком огромен, чтобы уместиться в поле зрения. Вершину башни и дверь в нижней части воздушного корабля соединял металлический трап. На дальней стороне трапа он разглядел Варека, Борека и остальных, ожидающих его.

С минуту он не мог заставить себя сдвинуться с места. Земля была не менее чем в трёхстах шагах под ним, а этот металлический трап был не особо надёжно закреплён на башне и воздушном корабле. Что если тот прогнётся под ним, и он упадёт? Нет шансов выжить при падении с такой высоты. Гулкий звук его колотящегося сердца отдавался в ушах Феликса.

— Чего ждёт Феликс? — послышался голос Снорри.

— Двигай, человеческий отпрыск, — услышал он Готрека, а затем мощный толчок отправил его вперёд. — Просто не смотри вниз.

Феликс почувствовал, как тонкий металлический мост напрягся под его весом и тут же подумал, что тот собирается прогнуться. Феликс, по сути, впрыгнул на палубу воздушного корабля.

— Добро пожаловать на борт „Духа Грунгни“, — услышал он голос Борека.

Варек ухватил Феликса и подвинул немного в сторону.

— Макайссон хотел назвать этот корабль „Неудержимый“, — прошептал гном, — но по некоторой причине мой дядя ему не позволил.

Феликс плюхнулся на пол подле Макайссона у штурвала воздушного корабля. Спустившись вниз, он был вынужден пригibasъ. Воздушный корабль был спроектирован для гномов, и потолки тут были ниже, а двери шире, чем требовалось для людей.

Сегодня инженер был одет иначе. На нём была короткая кожаная куртка с большим воротником из овчины, поднятом для защиты от простуды. Кожаная шапка-ушанка закрывала его голову. Сверху был вырезан ещё один лоскут для хохла волос Макайссона. Глаза гнома закрывали очки, видимо, для защиты от ветра, если разобьётся лобовое стекло. На крупных руках гнома находились тяжёлые кожаные перчатки. Макайссон обернулся и посмотрел на Феликса с сияющим видом — так мог бы выглядеть гордый отец, показывающий достижения любимого ребёнка.

Насколько мог судить Феликс, некоторые органы управления напоминали такие же на океанских судах. Тут имелось огромное рулевое колесо, которое выглядело скорее, как колесо телеги, за исключением рукоятей под хват, расположенных по ободу на заданном расстоянии

для удобства управляющего штурмана. Феликс сообразил, что вращением этого штурвала штурман мог изменять направление движения судна. Подле штурвала была установлена группа рычагов и прямоугольный металлический ящик с всякими странными и непонятными измерительными приборами. Здесь, в отличие от морского судна, штурман стоял на носу корабля за стеклянным экраном, через который мог видеть, куда ему править. Посмотрев через окно на нос судна, Феликс увидел там резную фигуру какого-то орущего бородатого божества гномов, очевидно, Грунгни.

— Бьюсь об заклад, ты впечатлён, — произнёс Макайссон, поглядывая на Феликса. — Так и должно быть — это самый большой и лучший из когда-либо построенных воздушных кораблей. На самом деле, насколько мени известно, таких было построено всего два.

— Ты уверен, что эта штуковина полетит? — нервно спросил Феликс.

— Настолько же уверен, як в том, шо на завтрак ел ветчину. Аэростат — та здоровая штука над корпусом — заполнен секциями с подъёмным газом. Цього достаточно, щоб удерживать в воздухе вес в два раза больше нашего.

— Подъёмный газ?

— А, знаешь, таке вещество, яке легче воздуха. По своей природе воно стремится подняться к небу, и при цьом потянет за собой и нас.

— Как тебе удалось собрать вещество, если оно легче воздуха? Почему оно попросту не улетучилось?

— Достаточно практичный вопрос, паренёк, показывающий, шо из тебе может получиться инженер. Да, в природе воно встречается реже, чем зубы у курыци, но мы зробылы его сами, внизу, в поселении. Наши алхимики постарались. Затем мы по трубам закачали его в аэростат над нами.

„Аэростат“. Это заставило Феликса беспокоиться ещё больше. Он подумал о крошечных горячих воздушных шариках, которые он ребёнком делал из бумаги. Казалось невыносимым, чтобы подобная вещь могла поднять вверх вес цельного металла, что он и высказал.

— Так и есть, подъёмный газ гораздо эффективнее горячего воздуха, а аэростат над твоей головой сделан не из металла, неважно, шо вин так выглядыть. Вин зроблен из более пластичного материала. Его тоже создали алхимики.

— Что если газ просочится?

— О, такого не случится! Бачишь, внутри того велького аэростата есть сотни маленьких шариков. Мы называем их газовыми мешками или ячейками. Даже если одын из них порвётся, це не буде иметь велького значения, потому шо для подъёма у нас останется множество других. Может прорваться даже половина маленьких шариков, прежде чем мы потеряем высоту, причём це буде происходить постепенно. Було б неестественно, если вси вони прорвались одновременно.

Феликс мог понять смысл подобной схемы. В самом деле, маловероятно, что разом прорвёт все те тысячи маленьких шариков, что находятся в аэростате.

Если по ним выпустят сотни стрел, которые даже смогут пробить внешнюю оболочку аэростата — будучи проколоты лишь те ячейки, что ближе к внешней стороне. Ясно, что Макайссон

существенно озаботился безопасностью своего детища.

Где-то в задней части корабля прозвенел колокол. Оглянувшись, Феликс увидел, что трап втянут на место, а отверстие закрылось. Это его немного успокоило.

— Ось сигнал, шо мы готовы отправляться, — сказал Макайссон.

Он потянул за один из небольших рычагов у руки, и прозвучал паровой свисток. Внезапно инженеры, заполнявшие корабль, стали занимать позиции вокруг. Феликс услышал одобрительные крики, доносящиеся с поверхности земли.

— Пристегнитесь! — проорал Макайссон и потянул за другой рычаг.

Откуда-то из-под корабля донёлся звук заработавших двигателей. Их гул едва не оглушал. По бокам корабля гномы начали сматывать тросы на огромные барабаны, точно толпы матросов, поднимающих якоря. Медленно Феликс начал ощущать движение. Потoki воздуха ударили в лицо. Воздушный корабль начал подниматься и продвигаться вперёд. Почти против желания, он подошёл к борту корабля и посмотрел через иллюминатор. Земля под ними начала мелькать, а весь комплекс сооружений Одинокaя Башни остался позади. Крошечные фигурки гномов на земле махали им, и Феликс, повинаясь импульсу, помахал в ответ. Затем он почувствовал головокружение и отошёл от окна.

И впервые до его сознания дошло, что он действительно находится на летающем корабле, который держит путь к неизведанным местам. Потом Феликс начал прикидывать, каким образом они будут совершать посадку. Насколько ему известно, в Пустошах Хаоса нет ангаров и огромных стальных башен.

Варек провёл его вниз по металлической приставной лестнице, вделанной в корпус воздушного корабля. Феликс был рад уйти с командной палубы, подальше от толпы взволнованных гномов. Гудение двигателя было слышно даже сквозь толстый стальной корпус корабля, и иногда Феликс без всякого повода мог обнаружить, как под его ногой прогибается пол.

Внезапно весь корабль накренился на одну сторону. Феликс инстинктивно вытянул свою руку и удержался за стену. Его сердце ушло в пятки, и на мгновение он решил, что они падают навстречу своей гибели. Он обнаружил, что вспотел, несмотря на прохладу.

— Что это было? — нервно спросил он.

— Вероятно, всего лишь боковой ветер, — радостно ответил Варек.

Заметив недоумение Феликса, он начал объяснять:

— Та часть корабля, в которой мы находимся, называется гондола{18}. К оболочке аэростата, что над нами, крепится она не жёстко. В действительности, мы подвешены на тросах. Иногда ветер налетает сбоку, и вся гондола начинает поворачиваться в том направлении. Беспокоиться не о чем. Макайссон утверждает, что спроектированный им воздушный корабль способен, если понадобится, лететь сквозь бурю.

— Надеюсь, что это так, — сказал Феликс, снова найдя в себе мужество передвигать ногами.

— Разве это не волнительно, Феликс? — спросил Варек. — Дядя говорит, что мы, наверное, первые создания, когда-либо летавшие на такой высоте с помощью механизмов!

— Это лишь означает, что падать нам придётся дольше, — пробурчал Феликс.

Феликс лежал на короткой гномьей койке и разглядывал стальной проклёпанный потолок своей каюты. Ему сложно было расслабиться из-за мысли о большом расстоянии до земли и периодических раскачиваний судна. Он был рад обнаружить, что небольшая койка была привинчена к полу комнаты во избежание смещения. Так было и с металлическим сундуком, в который он побросал свои вещи. Это было хорошее инженерное решение, показывающее, что гномы задумываются о вещах, о которых он бы и не догадался. Что было вполне в их духе, и Феликс признавал, что как народ, гномы были едва ли не совершенны.

Феликс перевернулся на живот и прижал лицо к иллюминатору — небольшому кружку очень толстого стекла, вделанному в борт воздушного корабля. Почти немедленно похолодел кончик его носа, и стекло затуманилось дыханием. Он протёр его и увидел, что они поднимаются всё выше и под ними лежит почти безбрежное белое море облаков.

В представлении Феликса то было зрелище, ранее доступное лишь богам и волшебникам, и оно вызвало по всему его телу дрожь возбуждения и страха. Сквозь внезапный пробел в облаках он мог видеть пёструю мозаику полей и лесов, лежащих далеко внизу. Корабль находился столь высоко, что в тот момент Феликс мог рассматривать поверхность мира, словно карту, переводя взгляд от деревни к деревне простым поворотом головы. Он мог проследить течение ручьёв и рек, словно они были набросками пера какого-то богоподобного картографа. Затем облака снова сомкнулись, проносясь под ним словно заснеженное поле. А над ними было несравнимо голубое небо.

Бросив всего лишь взгляд с подобной высоты, Феликс почувствовал себя избранным. Возможно, подумалось Феликсу, нечто подобное чувствует сам Император, когда смотрит вниз с седла своего пегаса и оглядывает свои владения, протянувшиеся далеко за пределы его царственного взора.

Феликс решил, что гондола „Духа Грунгни“ весьма впечатляюща, если рассматривать с точки зрения тесноты и клаустрофобии. Она была столь же велика, как речная баржа, и, несомненно, куда более комфортабельна. По пути в свою каюту он прошёл через много других помещений. Среди них была небольшая, но отлично оснащённая кухня, оборудованная своеобразной переносной печью. Была и кают-компания, достаточно просторная, чтобы за столом разместилось тридцать обедающих гномов. Имелась комната с картами, таблицами и небольшой библиотекой. Был даже огромный грузовой трюм, заполненный деревянными ящиками, которые, по заверению Варека, были заполнены провизией и принадлежностями, которые могут понадобиться на севере. Это напомнило Феликсу, что когда они в следующий раз остановятся — если они вообще остановятся, — ему следует подобрать для себя зимнюю одежду и снаряжение. Он предполагал, что по мере их дальнейшего продвижения на север теплее не станет.

Феликс недоумевал, как так получилось, что он решился присоединиться к гномам. Уверенности у него не было. По сути, перспектива была впечатляющей — совершить путешествие на мощном воздушном корабле, посетить место, куда три тысячи лет не ступала нога человека. Если бы только вместо Пустошей Хаоса они направлялись в любое другое место, он бы моментально уверился в том, что ему повезло.

Феликс не был особо мужественным человеком, но без ложной скромности полагал, что не является и трусом. Мысль о том, на что способно это судно, взволновала его. Горы и моря — не преграды для машины, которая способна попросту пролететь над ними; и этот воздушный корабль способен развивать скорость гораздо большую, чем быстреее из морских судов. По

словам Варека, корабль мог проходить в день, в среднем, более двух сотен лиг — огромная скорость.

По самым оптимистичным подсчётам Феликса, пешком и на повозке он с Готреком прошёл бы такое расстояние более чем за месяц. Это судно было способно за неделю совершить путешествие в Аравию или Далёкий Китай, на которое иначе потребовались бы многие месяцы. Принимая во внимание, что ни буря, ни нападение дракона не могут его сломать или сбросить с небес, воздушный корабль обладает впечатляющими возможностями передвижения. Торговый потенциал воздушного судна огромен. Его можно было бы использовать для скоростной доставки между городами небольших ценных и скоропортящихся грузов. Оно способно заменить сотню курьеров и почтовых карет. Феликс был уверен, что найдутся и те, кто готов заплатить всего лишь за возможность узреть впечатляющий вид, который он наблюдал сквозь разрыв в облаках. Феликс язвительно усмехнулся, обнаружив, что рассуждает так, как в подобных обстоятельствах мог бы его отец.

Но, разумеется, создав столь впечатляющее средство передвижения, для чего предназначили его эти коротконогие идиоты? Ни для чего иного, кроме как полететь прямо в смертельнейшую глухомань на планете — место, которое, как был склонен верить Феликс, населено демонами, чудовищами и теми, кто продал душу Тёмным Силам. И Готрек практически подтвердил, что это предположение истинно.

Феликс удивлялся. Что за странное побуждение засело в мозгу гномов — постоянно стремиться к поражению и уничтожению? Несомненно, они, похоже, получают такое же удовольствие от историй про бедствия и несчастья, как люди от историй про победы и героизм. Им, похоже, нравится размышлять о своих неудачах и записывать обиды на весь мир. Феликс сомневался, чтобы культ, подобный культу Истребителей, мог бы привлечь последователей в Империи и какое-то время просуществовать. Однако, возможно, всё не так. Даже невероятно злобные Боги Хаоса находят себе последователей среди людей, так что, может быть, и не было бы недостатка в людях-истребителях, если предложить им подобную возможность.

Феликс отбросил эту нить размышлений, как бесполезную, и понял, что так и не пришёл к какому бы то ни было решению в вопросе о том, следует ли ему сопровождать гномов. Он всегда сможет решить, когда они остановятся.

«Если они остановятся», — поправил он себя.

Ларк разгибал мышцы, сведённые судорогой от долгого бездействия. Он понятия не имел, где находится. Он понятия не имел, что ему следует делать. Уже прошло много часов, а у него не было связи с серым провидцем Танкуолем. Уже много часов он ощущал чувство одиночества, которое было для него новым, и чем-то его ужасало.

Ларк был рождён в огромных норах Скавенблайта и был старшим в среднего размера помёте из двадцати особей. Он достиг зрелого возраста в окружении своих братьев, сестёр и прочих в тесной норе. Он жил в городе, переполненном его собратьями — сотнями тысяч скавенов. Даже на самом незначительном из сторожевых постов их были сотни. Ларк жил и питался, спал и испражнялся, всегда сопровождаемый писком своих братьев. За свою короткую жизнь он и часа не провёл, не будучи окружённым их мускусным запахом и экскрементами, или звуком их постоянных скрытных перемещений.

Впервые в своей жизни он ощущал отсутствие этого, словно острую боль, подобно тому, как недавно ослепший человек может воспринимать отсутствие света. Конечно, все его братья были соперниками за расположение вышестоящих. Разумеется, любой из них пырнул бы его в

спину за медяк, точно как и он сам. Но они всегда были рядом. Их многочисленность была в какой-то мере успокаивающей в этом мире, полном опасностей и низших рас, ненавидящих могучий род скавенов и завидующих их превосходству. Многочисленность являлась защитой от любой угрозы. Теперь он одинок, голоден, испытывает потребность выпрыснуть мускус страха, несмотря на то, что тут нет собратьев-скавенов, которые могли бы отреагировать на его предупреждение. Всё, что Ларку остаётся теперь делать — вслушиваться в скачущий ритм своего сердца и сжимать голову лапами в парализующем ужасе. В сей ужасный момент он обнаружил, что скучает даже по голосу серого провидца Танкуоля в своих мыслях. Что оказалось пугающим откровением.

И как раз в этот момент весь корабль начал сотрясаться.

Феликс в тревоге открыл глаза. Он решил, что, должно быть, задремал. Что за звуки громких ударов? Почему сотрясаются стены? Почему колеблется его кровать? Медленно в его спутанные мысли проникло понимание, что он на гномьем воздушном корабле, с которым, похоже, происходит нечто ужасное и непонятное. Пол ходит ходуном, через матрас ощущается вибрация. Феликс скатился с кровати, вскочил на ноги и больно стукнулся головой о потолок.

Пока вокруг него весь воздушный корабль громыхал, скрипел и сотрясался, он боролся с чувством клаустрофобии. Феликс мысленно представил, как корабль распадается, и все они падают навстречу своей гибели. «Как я вообще согласился взойти на эту ужасную машину?» — спрашивал себя Феликс, открывая дверь. Зачем он вообще взялся сопровождать этих безумных гномов в такую даль?

Ожидая, что в любой момент может произойти нечто ужасное, он распахнул дверь и переместился в коридор, неистово молясь Сигмару о спасении из этой передрыги, и, вопреки всему, надеясь, что проживёт достаточно долго, чтобы выяснить суть происходящего.